

Ольга АРТЕМЬЕВА

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ФАРФОРОВЫХ МАРИОНЕТОК

Целому миру нужно все море,
Целому морю нужен весь Бог.
М. Цветаева

У него почти нет имени, потому что Солнцу имя ни к чему. «Почти нет» — потому что на страницах истории имя есть — имя это Хирохито — император Японии на момент 1945-го года. Только вот на черном фоне белыми буквами начальных и финальных титров имени у него нет — он просто Император, потомок Богини Солнца.

«Если американцы придут, изменится ли распорядок дня?» — звучит вопрос в императорском дворце, который возвышается посреди дымящихся руин «заболевшего» Токио. В фильме про последнего «божественного» императора Японии нет ни одной капли крови — лишь яркочерным пятном в тусклом сокурковском мире режет глаз, с первых минут привыкающих к серости, суши на подносе.

Однажды кто-то первым снял фильм (может быть, кто-то скажет, что первым был Бернардо Бертолуччи, снявший «Последнего императора»), в котором поставил всё с ног на голову: историческая Личность вдруг оборачивалась Человеком. Человек обедал, любил свою жену и детей, ложился спать в тревогах и волнениях. У Человека болела голова, и заботливая жена прикладывала к его лбу влажную тряпочку. И в каждую секунду своего бытия, каким бы оно ни было, Человек проживал не одну, а несколько тысяч жизней. У Сокурова были «Телец» и «Молох», теперь — «Солнце», которое неизбежно тоже окажется в этом ряду. Или в ряду, в котором стоят «Романовы — венценосная семья» Панфилова, или в том, где стоит недавний «Бункер». С годами, что прошли после того, как кто-то снял тот самый первый фильм, постепенно укоренилась традиция. И стало очевидно, что в традиции этой скрыты величайшая хитрость и подвох.

Знакомое тускло-серое освещение сокурковского кино. В «Солнце» оно, как никогда, напоминает о фотографиях начала 20-го века. У Панфилова в фильме «Романовы — венценосная семья» был один-единственный эпизод, контрастировавший с общим пастельно-теплым фоном картины: эпизод соversations, где «маленький человечек на велосипеде», Ленин, вдруг оборачивался серой восковой маской, куклой, которую история дергает за ниточки из темноты неизвестного будущего. В «Солнце» практически все персонажи напоминают фарфоровые марионетки, дергаемые за ниточки, — особенно главнокомандующий американских войск, на лице которого резко очерчен каждый мускул, до неестественности копии в музее восковых фигур. В «Бункере» тоже преобладали тусклые и серые тона, и неестественным

светом лучились глаза Адольфа Гитлера—бывшего ангела Дамиэля, Бруно Ганса. Но в «Бункере» танец уставших марионеток был показан глазами некоего юного существа, не способного увидеть больше, чем страдание постепенного умирания усталого вежливого джентльмена с глазами Бруно Ганса. И если в «Тельце» и «Молохе» восковые лица были маской смерти, то в «Солнце»—это, как ни странно, восковая маска жизни. Жизни, переломанной пополам неведомым американским шоколадом и вспышками досужих фотокамер, но все-таки жизни.

Сокуровский Император препарирует сам себя. Он—потомок Богини Солнца и «великих поэтов», и он—будущее легенды о полярном сиянии, снизошедшем на его деда. Маленький и смешной, Император ищет пути отступления: «Врач, обследовавший меня, не нашел на моем теле отличий от обычного человеческого тела»,—говорит он своему слуге в оправдание и в надежде. Сокуровский император весь целиком окружен вопиющей физиологией: запотевшими лбами генералов, блестящими в темноте на авансцене истории, запыхавшимся камердинером, застегивающим на нем костюм, препарированными крабами и рыбой Намадзу. Он сам весь, казалось бы, состоит из физиологии, со своей подслеповатостью и «заикающейся» мимикой, маленький и смешной, в сюртуке и цилиндре кажущийся американским фотографам похожим на Чарли Чаплина. Но только в том-то и подвох, что, несмотря ни на что, он—Солнце.

Эта картина Сокурова обладает почти совершенной жанровой формой. Ее начало уже содержит в себе середину, а середина—концовку. Император и американский главнокомандующий раскурят «трубку мира»—Император прикурит от его гаванской сигары. Император будет рассматривать альбом с незнакомыми фотографиями незнакомых звезд—Макса Линдера, Чарли Чаплина, Марлен Дитрих. «Чарли»,—будут кричать американские фотографии при виде Императора. А он будет видеть сны про горящее небо войны, в котором парят самолеты, похожие на птиц и рыб. В финале, когда на экране впервые появится женщина—супруга Императора,—он уже отречется от своего божественного статуса. Звукооператор, записавший обращение Императора к своему народу, совершит ритуальное самоубийство. Потому что в том-то и заключается последний и величайший подвох: любому народу во все времена не нужен еще один Человек, ему нужно—Солнце.